

А. В. Ганин
(Москва)

**Дело о «природном “езуитстве” ляхов».
Лев Троцкий против полонофобии военспецов**

В статье впервые проанализировано дело будущего Маршала Советского Союза Б. М. Шапошникова, возникшее в связи с публикацией им полонофобской статьи в период советско-польской войны 1919–1920 гг.

Ключевые слова: *советско-польская война, Л. Д. Троцкий, Б. М. Шапошников, Особое совещание при главнокомандующем, национальный вопрос.*

Одним из самых ярких столкновений председателя Реввоенсовета Республики Л. Д. Троцкого с бывшими офицерами был инцидент 1920 г., связанный с будущим Маршалом Советского Союза Б. М. Шапошниковым. Этот случай бегло упоминается в ряде публикаций о советско-польской войне, истории Красной армии, Л. Д. Троцком и Б. М. Шапошникове, однако до сих пор специально изучению не подвергался. Лишь обращение к документам Реввоен трибунала республики позволило разобраться в этом инциденте.

В конце апреля 1920 г. поляки перешли в наступление на Украине и 7 мая заняли Киев. Польское наступление развивалось до середины мая, когда части РККА смогли нанести контрудар в Белоруссии, а в конце мая последовал и контрудар на Украине. Не раз в самые трудные моменты своей истории перед лицом внешней опасности большевики отбрасывали партийные доктрины и взывали к патриотическим чувствам населения. Когда угроза исчезала, менялась и пропагандистская риторика. Наступление поляков на территории, воспринимавшиеся тогда как исконно русские, вызвало мощный всплеск патриотических чувств, который использовало и партийное руководство, решившее разыграть патриотическую карту.

С этой целью 2 мая 1920 г. было создано Особое совещание при главнокомандующем всеми вооруженными силами Республики – консультативный совет при главкоме, занимавшийся обсуждением

Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 17-81-01022а. Выражаю благодарность за консультации докторам исторических наук Г. Ф. Матвееву и И. В. Михутиной.

вопросов развития Красной армии и конкретно мер борьбы с поляками в период советско-польской войны. Совещание состояло в основном из генералов старой армии под председательством А. А. Брусилова. Посредством создания этого органа и выдвижения лозунгов защиты страны от внешней опасности большевики пытались привлечь на свою сторону патриотически настроенных бывших офицеров. Эти события вызвали немалый резонанс как в Советской России, так и за ее пределами. Резонанс этот прежде всего был связан с неожиданными патриотическими нотками в большевистской риторике, прозвучавшими на фоне стремительно развивавшихся событий на польском фронте.

Активные круги антибольшевистской эмиграции получали от белых подпольщиков из Петрограда сведения о том, что создание Особого совещания считалось победой русской патриотической группировки в советском руководстве, признаком «поправления» режима и поражением партии «Дзержинского и жидов»¹. В ответ на это партийной верхушкой перед ВЧК якобы была поставлена задача скомпрометировать старый генералитет, обнаружив в его среде «белогвардейский заговор». Но версии о переменах в партийном курсе противоречит оценка совещания самим его председателем как декоративного органа. По свидетельству Брусилова, это оказалась инсценировка, которая «со стороны правительства была белыми нитками сшита... делать дела они нам не давали, не веря нам»².

В состав совещания вошли бывшие генералы М. В. Акимов, П. С. Балувев, А. И. Верховский, А. Е. Гутор, А. М. Зайончковский, В. Н. Клембовский, Д. П. Парский, А. А. Поливанов, А. А. Цуриков. В качестве партийных представителей членами совещания стали А. Н. Александров, К. Х. Данишевский, Л. П. Серебряков, И. И. Скворцов-Степанов. Также в работе участвовали бывший генерал К. И. Величко и большевики Н. И. Подвойский и И. Ф. Медянец.

5 мая 1920 г. историк Ю. В. Готье записал в своем дневнике: «Некоторые хотят в этом видеть признаки какого-то поправления большевиков. Я этого не думаю; скорее, это привлечение генералов на роль манекенов; а для генералов – это золотой мост для перехода на паек, так как, якобы, гражданская война кончилась, а теперь началась война с иноземцами. Для большевиков генералы – ширмы, за которыми им легче вести свою политику: очередной обман это маскирование себя генералами, инсценировка национальной войны»³. Так оценивали происходящее антибольшевистски настроенные представители старой интеллигенции.

Служивший в Вооруженных силах на Юге России полковник А. А. фон Лампе отметил в апреле 1920 г., что «большевики, борющиеся за интернационал, идут дальше под нашими украденными у нас лозунгами, едут на нашей лошади, ведя за собой толпу во имя объединения России, сами стремясь к ее расчленению...»⁴ Впрочем, не вполне понятно, что подразумевалось под расчленением России большевиками в 1920 г.

В самом ЦК РКП(б) патриотические заигрывания были восприняты крайне неоднозначно⁵. Уже 8 мая из секретариата ЦК в редакции центральных газет была разослана циркулярная телеграмма с предписанием «в статьях о Польше и польской войне... строжайшим образом исключать возможные уклоны в сторону национализма и шовинизма»⁶.

30 мая члены Особого совещания составили знаменитое воззвание к бывшим офицерам русской армии, в котором призвали их, забыв старые обиды, вступать в Красную армию для защиты России⁷. Этот документ сыграл немаловажную роль в привлечении еще колебавшейся части офицерства в Красную армию. Затем, 2 июня, было подписано, а на следующий день опубликовано сообщение СНК об амнистии тех бывших офицеров, кто поможет скорейшей ликвидации белых и победе Советской России⁸.

Разыгрывание патриотической карты без четко обозначенных границ (на практике – временно выброшенного лозунга в традициях большевистского оппортунизма) оказалось чревато перегибами. Многие бывшие офицеры поверили таким декларациям, тем более что они не разбирались в политике, но являлись искренними патриотами и при этом нередко носителями националистических и даже шовинистических взглядов. Надо ли говорить, что такие взгляды были диаметрально противоположны интернационализму большевиков. Столкновение двух мировоззрений являлось лишь вопросом времени. В наиболее концентрированном виде оно выразилось в деле бывшего полковника Б. М. Шапошникова, который в разгар советско-польской войны на страницах военно-научного журнала «Военное дело» опубликовал статью «Первые боевые шаги маршала Пилсудского», содержащую полонофобские заявления.

Статья породила бурю. Прямо перед статьёй на передовице печаталось воззвание Особого совещания ко всем бывшим офицерам. Свою статью будущий маршал начал с предыстории борьбы поляков за независимость, после чего из личного опыта по должности старшего адъютанта штаба 14-й кавалерийской дивизии описал бои

1914 г. с легионерами Ю. Пилсудского, приведя несколько примеров коварства поляков на войне. При этом выдающийся теоретик службы Генштаба в угоду личным пристрастиям погрешил против истины, приравняв военную хитрость и внезапность к коварству и выдвинув беспочвенный тезис о некоей прямолинейности действий современных армий. Кроме того, в статье делался вывод о том, что «природное “езуитство” ляхов вкладывалось в основу их боевой тактики и было противно духу “великорусского” племени, честно и открыто шедшему в бой с противником»⁹. Статья была подписана инициалами Б. Ш., но такая форма подписи в то время не была редкостью и порой даже не скрывала авторство.

Шапошников был патриотом и, как многие его товарищи по службе, с трудом ориентировался в хитросплетениях партийных доктрин. На патриотизм будущего маршала накладывались присущие генштабистам шовинистические взгляды и нелюбовь к полякам, которых в старой России не допускали в военную академию.

Между тем большевистское руководство стремилось придать той войне не национальный, а классовый характер, поднять польских рабочих и крестьян против буржуазии (правда, с бывшими офицерами заигрывали с помощью патриотических лозунгов). Разжигание полонофобии в Красной армии было некстати. Поэтому, как только статью Шапошникова прочитал председатель РВСР Л. Д. Троцкий, он 30 июня 1920 г. издал гневный приказ № 230 следующего содержания:

В № 13 «Военного дела» напечатана статья «Первые боевые шаги маршала Пилсудского», проникнутая насквозь духом грубого шовинизма. Достаточно сказать, что в статье говорится о «природном иезуитстве ляхов», которое противопоставляется честному и открытому духу великорусского племени. Незачем пояснять, в какой мере такого рода грубые и ложные обещания¹⁰ противоречат тому духу братства, который проникает отношение русского рабочего класса к трудящимся массам Польши. Статья «Первые боевые шаги маршала Пилсудского» свидетельствует о полной неспособности нынешней редакции «Военного дела» справиться со своими ответственными обязанностями.

Посему в видах предотвращения возможного дальнейшего распространения шовинистической отравы военно-научным журналом рабоче-крестьянской Красной армии п р и к а з ы в а ю :

1. Издание «Военного дела» приостановить впредь до радикального изменения состава редакции;

2. Установить непосредственных виновников напечатания указанной шовинистической статьи, дабы раз навсегда отстранить их и в дальнейшем от прикосновения к работе, имеющей своей задачей просвещение и воспитание Красной армии¹¹.

На копии приказа, направленной в Реввоен трибунал, имелась резолюция заместителя председателя РВСР Э. М. Склянского: «Т. Данишевскому для немедленного расследования по пункту 2-му. Ск[лянский]. 30/VI»¹².

Из канцелярии Троцкого в редакцию журнала была направлена срочная телефонограмма:

Сообщается для немедленного исполнения выписка из приказа председателя Реввоенсовета республики № 230 от 30 июня 1920 года: «Издание “Военного дела” приостановить впредь до радикального изменения состава редакции».

Копия вышеупомянутого приказа сего числа Вам посылается¹³.

Копия телефонограммы 30 июня была передана в Реввоен трибунал республики, где на нее 1 или 2 июля председателем трибунала К. Х. Данишевским была наложена резолюция заведующему следственной частью трибунала С. В. Пузицкому: «Срочно расследовать и установить автора статьи и члена редак[ционной] коллегии, непосредственно пропустившего статью. В случае установления автора и указанного члена коллегии допросить о понимаемом ими смысле инкриминируемой статьи. Обратит внимание на кавычки, в кои поставлены имеющие шовинистический смысл слова. Доложить о результатах 3 июля [в] 12 часов»¹⁴. До сих пор материалов расследования Реввоен трибунала республики по этому делу не касалась рука исследователей. Тем важнее введение этих материалов в научный оборот.

В деле на пяти листах имелись гранки статьи с печатью журнала и постраничными штампами о прохождении текста через военную цензуру с подписью цензора, причем никаких исправлений в тексте цензором сделано не было¹⁵. Далее прилагались копии секретного положения о военной цензуре РСФСР¹⁶ и перечня сведений, составляющих военную тайну и не подлежащих распространению¹⁷.

Не подлежали оглашению данные об организации, составе, численности частей и учреждений военного ведомства, названиях и номерах воинских частей; о вооружении, снабжении, обмундиро-

вании, военно-технических средствах, боеготовности; о местонахождении и передвижении воинских частей, отдельных лиц состава, учреждений, кораблей и судов, включая торговые с военными и продовольственными грузами для армии и флота; о назначении, состоянии, вооружении крепостей, укрепленных пунктов, морских баз, портов, о производстве работ в них, проектировании и упразднении, о составе и численности гарнизонов; о порядке и ходе мобилизации, готовности формируемых частей и учреждений к отправке на театр военных действий и прибытии туда, о ходе проверочных мобилизаций, о порядке укомплектования; о состоянии и сооружении путей сообщения; о состоянии средств связи – почт, телеграфов, телефонов, радиотелеграфов, линий связи; описания театра военных действий, кроме ранее опубликованных; о результатах бомбардировки противником; о кораблекрушениях и спасательных работах; о маневрах; о мероприятиях России за границей; о предполагаемых действиях армии и флота; о панических слухах; о новых изобретениях и усовершенствованиях; о поимке шпионов и приведении в исполнение приговоров над ними; о работе разведки и контрразведки; о посылке агитаторов на территорию противника; о крупных потерях, включая людские и имущественные потери; об эвакуационных пунктах; об эпидемиях, взрывах, пожарах в войсках; о военных действиях, не соответствующих оперативным сводкам; о волнениях в войсках и народных волнениях на почве мобилизации до их ликвидации; о военной промышленности, кроме публикации не несущих ущерба интересам республики сведений о разоблачении злоупотреблений¹⁸. Очевидно, что статья Шапошникова таких данных не содержала.

Содержалась в деле и старая телефонограмма Троцкого видным партийным работникам А. Г. Белобородову и Д. И. Курскому с копией ЦИК от 30 августа 1919 г. о том, что

с предполагаемым закрытием «Красного знамени» «Военное дело» остается единственным военным изданием. Несмотря на все уклонения и временные нелепости «Военное дело» является полезным журналом.

Независимо от того, как сложится в дальнейшем общая организация нашего военного издательства, считаю безусловно необходимым обеспечить еженедельный выход журнала по возможности в размере 16 страниц. Со стороны редакционной журнал был бы лучше всего обеспечен, если бы т. Курский взял бы на себя труд войти в редакцию «Военного дела», не с тем, разумеется, чтобы отдавать бы этой работе много

времени (чего он сделать не может), а с тем, чтобы раз в неделю перед выходом журнала в свет просматривать статьи и выбрасывать явно нелепые и совершенно неуместные в советском издании.

Задача «Военного дела», как я понимаю, двусторонняя: с одной стороны, вовлекать наших молодых командиров в круг более серьезных военных вопросов, с другой стороны – помогать старому командному составу сочетать свои знания и военный опыт с новыми условиями [и] новой обстановкой.

Ввиду этого подстригать «Военное дело» под строго казенную гребенку было бы несообразным. Вполне допустимы на страницах «Военное дело»¹⁹ критика, взаимная полемика и прочее.

Найти эту линию, где необходимы и допустимы обмен мнений и заканчивается и начинается уже сеяние редакционных предрассудков, – задача тонкая. Вот почему я считаю, что справиться с ней может только чрезвычайно тонкое лицо и очень настаивал бы на том, чтобы тов. Курский не отклонял моего предложения. Одновременно с этим необходимо принять меры, чтобы в типографии журнал печатался с необходимой правильностью²⁰.

Подчеркивания красным карандашом, видимо, были сделаны сотрудниками трибунала или редакции «Военного дела», стремившимися отстоять журнал.

В течение 1 и 2 июля Пузицким в качестве свидетелей были допрошены по делу: главный редактор журнала Д. К. Лебедев, начальник отдела военной цензуры РВСР Н. Н. Батулин, цензор Б. В. Гетлинг, член РВСР Д. И. Курский и автор статьи – начальник оперативного управления Полевого штаба РВСР Б. М. Шапошников.

Д. К. Лебедев 1 июля показал:

Я состою редактором журнала «Военное дело» с самого основания его, с 1918 года приказом от 11 мая 1918 г., тов. Троцкого. Руководство журналом принадлежит редакционной коллегии в составе Парского, Незнамова, Снесарева, Свечина, Крживицкого, Мыслицкого, Новицкого, Вацетиса, Гирса под моим председательством. Телефонограммой предреввоенсовета тов. Троцкого от 30 августа пр[ошлого] года, которая сейчас мною представляется, тов. Курский был назначен наблюдать за содержанием журнала на предмет непропуска статей, явно нелепых и совершенно недопустимых в советских изданиях. Сотрудники журнала делятся на постоянных и случайных. Представляемые последними статьи прочитываются в нашем заседании редакционной коллегии, и при-

том очень внимательно. Статьи сотрудников первого рода просматриваются мной лично и заведывающим соответствующим отделом.

После просмотра печатаются в гранках, в которых отправляются в военно-цензурное отделение Полевого штаба. По возвращении из цензуры дозволенные статьи сверстываются, и в этом виде весь № отправляется тов. Курскому. После его санкции («не возражаю») номер печатается и рассылается.

Сотрудник журнала «Военное дело» Борис Шапошников был сотрудником постоянным и писал статьи по обзору боевых действий Красной армии, черпая материалы из оперативных сводок и указаний главнокомандующего Каменева.

Статья «Первые шаги маршала Пилсудского» была сдана в 20-х числах мая. Ее просматривал и. д. секретаря редакции Игнатов. 27-го статья была послана в типографию и в первых числах июня была отправлена в военную цензуру, где была поставлена пометка: «Разрешено военной цензурой» за подписью Гетманова²¹. Лично ее я просматривал после своего возвращения из командировки в Петроград, когда она была возвращена из цензуры.

Зная, что она пропущена военной цензурой, зная автора ее Шапошникова, я ее пропустил, не находя в ней ничего предосудительного, тем более в этом духе были статьи Радека²² и других. Номер с этой статьей был представлен тов. Курскому по обычному порядку и, очевидно, разрешен к выпуску. Номера 13 с пометкой Курского о разрешении выпуска в редакции не имеется.

Могу лишь добавить, что статья Шапошникова носит несколько агитационный характер, считаясь с моментом на фронте, но не направлена против польского народа как такового²³.

К протоколу прилагалась приписка видного военного ученого А. А. Свечина: «Как член ответственной редакционной коллегии подтверждаю все сказанное здесь ответственным редактором Лебедевым»²⁴.

Ответственный редактор не стал отпираться, поскольку не видел в статье ничего предосудительного, расценивая ее как агитационный материал патриотического характера. Остальные свидетели были допрошены на следующий день.

Н. Н. Батурин показал:

Задачей военной цензуры является недопущение разглашения военной тайны путем частной корреспонденции как русской, так и ино-

странной и, в частности, путем помещения статей в периодических печатных изданиях. Причем не пропускать цензура должна сведения, которые разглашают военную тайну и наносят ущерб обороне республики.

Политическая цензура, согласно положению о военной цензуре и перечню сведений, составляющих военную тайну, и постановлению 8-го съезда Р.К.П., в компетенцию военной цензуры не входит. Все газеты и журналы проходят предварительную цензуру.

Журнал «Военное дело» на общем основании присылает выходящие номера в гранках для предварительного просмотра, после которого поступает в печать.

Должен указать, что были случаи вычеркивания некоторых мест в журнале, которые мы, согласно нашему положению, не должны были пропускать. Журнал № 12 вышел без предварительного нашего просмотра, так как номер в гранках был прислан в цензуру, но обратно не взят редакцией, что равносильно непредъявлению на цензуру вовсе. Это было цензурой поставлено редакции на вид с предупреждением о привлечении к ответственности при подобных случаях в будущем.

Ранее я обращал внимание, что «Известия Наркомвоен» и «Военное дело» как органы советского военного ведомства не соответствуют своему назначению, так как лица, стоящие во главе этих органов, были типичными чиновниками старого режима, не способными²⁵ улавливать современную политику советской власти. На это обращалось мной в частных разговорах внимание т.т. Курского и Склянского. Статья «Первые боевые шаги маршала Пилсудского» была представлена в военную цензуру для предварительного просмотра приблизительно в конце мая месяца. Она была на общих основаниях направлена в отделение печати, начальником которого состоит т. Лунин.

Тов. Гетлинг было поручено просмотреть номер № 13 на предмет выпуска всех сведений, разглашающих военную тайну, который им был и пропущен.

Мною он лично не был просматриваем в гранках. В виду того, что задача военной цензуры ограничена строгими рамками вопросов оперативного и военного характера, а политический контроль к компетенции военной цензуры не относится, статья «Первые шаги Пилсудского» была пропущена.

Таким образом, оснований к задержке этой статьи у цензуры не было, но если бы я лично сам ее просматривал, то, возможно, путем частных мер выпуск ее остановил²⁶.

Батурин отметил недостаточное внимание редакции к вопросам военной цензуры в канун инцидента. Но, как и отмечалось выше, военная цензура претензий к статье Шапошникова не имела. Это же подтвердил на допросе 19-летний беспартийный цензор Б. В. Гетлинг:

Я состою цензором-контролером отдела военной цензуры Р.В.С.Р.

Мои обязанности заключаются в контролировании московской прессы и в случае нахождения в просматриваемых материалах сведений, разглашающих военную тайну и тем наносящих ущерб Красной армии, я должен их вычеркнуть.

Политический контроль меня совершенно не касается.

В случае представления статей явно контрреволюционных, следует представлять на усмотрение начальника отдела.

Статья «Первые шаги маршала Пилсудского» была мною просмотрена, в ней никаких секретных военных сведений не содержалось, почему и была мною пропущена.

При чтении я обратил внимание на несколько шовинистический характер статьи, но этого не было достаточно для обращения внимания начальника отдела.

Никаких инструкций от начальника отдела Батурина для хотя бы небольшого контроля в политическом смысле не давалось²⁷.

Однако материалы журнала проходили через двойной цензурный фильтр, который в данном случае не сработал. Вторым цензором издания был член РВСР Д. И. Курский, который выступил с резкими показаниями и раскритиковал военспецов из редакции:

Я считаю, что редакция «Военное дело» должна быть реорганизована на совершенно новых началах, ибо в настоящем своем составе не может выражать ни взглядов тех военных кругов, которые фактически создают силу Красной армии и руководят ею, и по составу большинства своих сотрудников чужда новым вопросам, выдвигаемым опытом Гражданской войны. Опыт создания двухэтажной редакции – в составе Курского, Батенина²⁸ и Парского, с одной стороны, и редакционной коллегии – с другой, оказался неудачным, так как фактически совмещал бы несовместимые элементы и при более активном вмешательстве редакционной тройки повел бы к фактическому вычеркиванию большинства статей прежних сотрудников. Кроме того, самый опыт был и непродолжителен, так как Батенин выбыл из редакции, а Парский затруднялся вообще редакционной работой.

По поводу статьи «Первые шаги маршала Пилсудского» мне известно следующее:

После появления статьи т. Радека о Пилсудском на одном из докладов у главкома Каменева тов. Шапошников, на[чалник] опер[ативного] о[т]д[ела] Пол[евого] штаба, сказал, что у него имеется даже портрет Пилсудского и что ему пришлось иметь столкновение с “соколами” Пилсудского в период империалистической войны, и что он намерен использовать этот материал для соответствующей статьи.

Рассказав в общих чертах об операции с соколами Пилсудского, и в частности эпизод с оставшимся в живых мальчиком-су²⁹ отряда соколов, т. Шапошников никаких шовинистических или националистических взглядов в этом рассказе не проявил.

По установившемуся обычаю сверстанный оттиск «Военного дела» посылался мне на просмотр; по отношению к этому номеру это, по видимому, не было соблюдено, так как я решительно не помню, чтобы я просматривал этот оттиск. Точно так же я не читал статьи в готовом номере, так как был знаком с содержанием статьи Шапошникова по его рассказу.

Убежден, что ни о каком умысле со стороны Шапошникова не может быть речи. Считаю Шапошникова безусловно преданным работником Красной армии, крупным, но узким специалистом и политически мало развитым, чем и объясняю тот шовинистический дух, который проявился в последнем абзаце его статьи³⁰.

Курский косвенно признал свою вину в пропуске статьи, отметив, что понадеялся на идентичность материала рассказу Шапошникова у главкома.

Наконец, допросили непосредственного виновника инцидента – автора статьи. Шапошников показал следующее:

На военную службу я поступил в 1901 году и служил до последнего времени. В 1910 году окончил академию Генерального штаба и занимал в старой армии строевые и штабные должности. Вопросами военного дела я всегда интересовался. Раньше каких-либо литературных печатных трудов у меня не было до конца германской войны. Впервые я начал работать с 1918 года, помещая статьи в журнале «Военное дело». Статьи были исторического и военно-теоретического характера, главным образом касающиеся действий конных масс.

Политических статей никогда не писал, равным образом политических тенденций в статьях мною совершенно не проводилось.

Я лично не принадлежу ни к какой партии, но сочувствую и служу Советской власти и какими-либо шовинистическими или националистическими взглядами не обладаю.

В бытность мою в 1914 году старшим адъютантом 14-й кавалерийской дивизии пришлось три раза столкнуться с польскими соколами и убедиться в их коварстве и предательстве. Читая в настоящее время статьи тов. Радека о Пилсудском и его политической деятельности, я вспомнил свои прежние переживания указанных трех встреч и предложил поделиться ими в статье в форме исторической справки. На одном из докладов главкому в присутствии тов. Курского я сказал, что предполагаю написать статью о Пилсудском, рассказав вкратце мои столкновения с польскими legionами.

Статью написал между 20-м и 26-м мая.

Какого-либо умысла дать определенную окраску этой статье у меня вовсе не было. Некоторый шовинистический оттенок статьи произошел вследствие некоторых переживаний минувшего, кроме того, момент был очень острый, когда из газет мое настроение было приподнято и затем, стоя близко к оперативным действиям Красной армии, я близко принимал к сердцу и удачу, и неудачу армии и невольно мог увлечься во время писания этой статьи, что совпадает с периодом нашего наступления на Западном фронте и наших явных успехов.

Статью я послал в редакцию журнала «Военное дело», и как она попала в печать – мне неизвестно³¹.

Очевидно, Шапошникову предпочтительнее было откреститься от шовинистических взглядов и полонофобии, чем оказаться под арестом. Именно этим и объясняются его показания, идущие вразрез с текстом статьи. И все же он признал, что действовал под влиянием момента и пропаганды.

По итогам расследования Пузицкий подготовил доклад «по делу о помещении статьи шовинистического характера в журнале “Военное дело”» за подписью председателя реввоен трибунала Данишевского и его собственной, направленный заместителю председателя РВСР Э. М. Склянскому и в копиях председателю РВСР Троцкому и члену РВСР Курскому.

Документ открывался изложением приказа Троцкого, после чего излагались показания свидетелей о том, что представлял собой журнал, каким образом была организована в нем цензура, кем являлся Б. М. Шапошников (приводилась положительная характеристика, составленная Д. И. Курским) и почему он написал такую статью.

Резолютивная часть доклада была составлена Пузицким в духе высказываний высокопоставленного партийного свидетеля Курского и инициатора расследования Трощаго:

Исходя из изложенного, нельзя не признать:

1) что журнал «Военное дело» как официальный орган советского военного ведомства не соответствует своей высокой задаче просвещать и воспитывать Красную армию, так как лица, стоящие во главе этого органа, являются типичными чиновниками старого бюрократического режима, не способными по своей органической отчужденности улавливать современную политику Советской власти и выражать взгляды и идеологические тенденции тех военных кругов, которые фактически создают силу Красной армии и руководят ею, поэтому бессильны отражать на страницах журнала новые вопросы и доктрины, выдвигаемые опытом Гражданской войны.

2) что в работе отдела военной цензуры Р.В.С.Р. отсутствует истинный революционный дух и революционная инициатива, так как, толкуя свои права и обязанности «по букве закона», отдел принимает некоторую окраску, присущую бюрократическим учреждениям дореволюционного периода. Помимо этого нельзя не отметить полную неосмотрительность и неосторожность передачи контроля над всей московской прессой молодому 19-тилетнему человеку, к тому же не коммунисту.

3) что сотрудник журнала «Военное дело» Борис Шапошников, будучи хорошим знатоком военного дела и талантливым стратегом, политически мало развит, вследствие чего к занятию журналистикой может быть допущен лишь под руководством опытных политических деятелей.

Таким образом, непосредственными виновниками напечатания шовинистической статьи «Первые боевые шаги маршала Пилсудского» в журнале № 13 «Военного дела» являются:

1) автор указанной статьи Шапошников

2) прочитывавшие и непосредственно пропустившие статью редактор журнала «Военное дело» Лебедев и и. д. секретаря редакции Игнатов и

3) отчасти отдел военной цензуры в лице цензора Гетлинга, непосредственно разрешившего печатание статьи, и начальника отдела Батурина, относящегося к своим правам и обязанностям чисто формально, легкомысленно назначившего Гетлинга на ответственную должность цензора всей московской столичной прессы и недостаточно инструктирующего своих сотрудников в революционном духе³².

О вине Курского, не удосужившегося ознакомиться с текстом статьи, не упоминалось, а вина была возложена на молодого цензора и его начальника, добросовестно исполнявших свои обязанности по недопущению в печать сведений, составлявших военную тайну. Э. М. Складскому из Реввоентрибунала был направлен доклад несколько иного содержания, опиравшийся на показания самого Шапошникова³³.

Нельзя сказать, что Троцкий имел личное предубеждение против Шапошникова. В октябре 1921 г. он вместе с главкомом С. С. Каменевым подписал приказ о награждении Шапошникова орденом Красного знамени³⁴, а в 1924 г. способствовал изданию книги Шапошникова «На Висле»³⁵. Кроме того, в первой половине 1920-х гг. Шапошников по должности 1-го помощника начальника Штаба РККА участвовал в осуществлении военной реформы, инициированной Троцким.

Но Троцкий об этом случае не забыл. Много лет спустя, уже в эмиграции, беспощадно критикуя И. В. Сталина, в том числе за измену прежним революционным идеалам, он написал: «Во время польской войны в военном журнале появилась грубо шовинистическая статья о “природном иезуитстве ляхов” в противовес “честному и открытому духу великороссов”. Особым приказом журнал был прикрыт, а автор статьи, офицер Генерального штаба Шапошников, отстранен от работы. Сейчас Шапошников состоит начальником штаба и является единственным из уцелевших старших офицеров эпохи Гражданской войны. Только такие люди выжили, приспособились, уцелели...»³⁶

Конечно, Троцкий был несправедлив к Шапошникову, который отнюдь не был приспособленцем. При этом советский период жизни Шапошникова стал для него временем тяжелейшего морального надлома, а гибели в жерновах репрессий будущий Маршал Советского Союза избежал случайно³⁷. Вполне возможно, что свою роль в этом сыграла и история 1920 г., создавшая Шапошникову ореол пострадавшего от Троцкого. Однако в 1920 г. подобный случай мог плохо кончиться для беспартийного военспеца.

Статья Шапошникова не была целиком шовинистической, а лишь содержала ложные выводы такого свойства. Этот инцидент знаменовал изменение советской пропагандистской риторики и отказ от разыгрывания патриотической карты. Не заставили себя ждать и репрессии в отношении членов Особого совещания (первые аресты произошли уже в июне 1920 г.). Помимо выпуска воззвания к бывшим офицерам совещание ничем не прославилось и было упразднено в сентябре 1920 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Первые боевые шаги маршала Пилсудского

Идея «независимости»³⁸ Польши, ее «националистические» стремления не могли быть вытравлены ни политикой «муравьевских галстуков», ни компромиссными решениями русского правительства. Искры «единой» и «могущественной» Польши на протяжении всего 19 века не угасали и или тлели, или же вспыхивали ярким пламенем мятежей против правительства. Ни ссылки в далекую Сибирь, ни жестокие репрессивные меры на местах не могли задушить в польском обществе мысль о восстановлении Польши. Немало «истых» патриотов сложило свои головы как в борьбе за собственный риск и страх с русскими войсками во время мятежей, так и в составе Великой армии Наполеона в качестве вспомогательных контингентов. Вся литература Польши была направлена к тому, чтобы поддержать в народе живой дух борьбы за независимость, не дать угаснуть былой боевой славе ее войск, некогда победоносно разносивших свои знамена на востоке и юго-востоке Европы. *Крашевский* и *Сенкевич*, а также ряд других писателей были теми бардами Польши, которые воспитывали современное им поколение и последующие в духе «национальных» стремлений к объединению «*Великой Польши*» с оружием в руках.

Однако тяжелый «режим» как русского, так и германского правительств к концу 19 и в начале 20 веков исключал всякие надежды на успех восстаний в самой Польше. Малейшие попытки к организации каких-либо военных обществ решительно искоренялись, и в польском обществе зародилась и культивировалась уже другая идея – идея объединения Польши, но «не самостоятельной», а в федерации или с Россией, или с Австрией, только не [с] Германией. Таковы были мысли «большинства» поляков, но не так думало «меньшинство», а именно «социал-демократическая» партия Польши и Литвы, часть которой продолжала «национальную» работу, стремясь при помощи рабочего класса провести в жизнь идею «единой Польши» и вооруженной рукой воссоздать самостоятельное государство.

Душой этого крыла социал-демократической партии был *Иосиф Пилсудский*³⁹, старый революционер, выдавший и далекую Сибирь и испытавший горечь жизни эмигранта. Горячий поклонник вооруженного возрождения Польши, *Пилсудский* жил мечтой о польских легионах, стремясь при первой возможности призвать их к жизни.

Попытка сформировать польские отряды во время Русско-японской войны в 1904 году и поездка для этой цели Пилсудского в Токио кончились неудачей. Революция 1905 года также не оправдывает его надежд, но упорный «романтик польского национализма» не сжигал своих кораблей. «Лоскутная» монархия Франца-Иосифа была подходящей канвой для узоров Пилсудского, и последний предложил свой «бело-малиновый лоскут» подшить к разноцветному одеялу дряхлеющего старика. Назревавшая с каждым днем неизбежная мировая война, несмотря на бряцание оружием, пугала Австрию, и верный своим интригам Венский двор решил и здесь путем восстаний в русской Польше обеспечить успех своим войскам, а потому «милостиво» отнесся к предложениям Пилсудского создать будущие кадры для повстанческих польских войск. «Пан Юзеф» вступал на практический путь осуществления своих «национальных стремлений», получив разрешение от правительства Австрии на создание командного состава для будущих польских войск!

Так, в последние дни мира в Европе, в душевной атмосфере политики и лихорадочной военной деятельности зародилась *польская армия*.

Мы уже отметили, что *Пилсудскому* австрийским двором было разрешено лишь подготавливать будущий командный состав. С него и начал «современный Костюшко», используя для этой цели *сокольские организации* Галицийской Польши. Среди молодежи, наполнившей последние, конечно было больше горячих умов, откликнувшихся на призыв Пилсудского, чем среди трезвых политиков той или другой партии. Мало верили в успешность затеи в Галиции, еще меньше верили в это поляки русской Польши, которые по плану Пилсудского и должны были составить главный контингент будущей армии-освободительницы польского государства. Однако фанатически настроенные единичные личности русской Польши и зеленая молодежь все же охотно путешествовали в Краков в школы Пилсудского.

Деятельность последнего была взята «на учет» нашей разведкой, пристально присматривавшейся к тому, что делается за рубежом. Не было тайной, что сокольские организации не только крупных городов Галиции – Краков, Львов и т. д. – рассадники будущих врагов, но что и мелкие города и даже «замки» единичных влиятельных польских «магнатов», как, например, графа Тарновского, шли по тому же пути.

В сокольских кружках «довудцы» польских легионов обучались военному искусству и строю. На польском языке издавались уставы

и был заложен маленький, слабый фундамент военной «польской» литературы. Производились маневры. В парадах краковского гарнизона «сам» пан Пилсудский с обнаженной саблей проходил церемониальным маршем перед австрийскими генералами.

Во что могли вылиться во время войны эти «потешные» затеи горячих патриотов – сказать было трудно, но, судя по тому, насколько австрийское правительство не особенно благосклонно шло навстречу формированию «польской армии», снабжая ее устарелыми винтовками, и то в ограниченном количестве лишь для обучения, «будущие легионы» не могли быть грозным врагом для русской армии. Сам их «маршал» не был уверен, позволит ли ему Вена с началом войны развернуть свою армию в тех размерах, в которых он желал бы ее видеть.

Таково было состояние «польской армии» перед мировой войной! Но вот грянула последняя, и Пилсудский должен был начать «действовать», дабы оправдать в глазах своих патროнов все то, что было хорошо в теории. Быстро были стянуты в *Краков* все наличные силы сокольских организаций Галиции, образовавшие из своих «безусых» солдат не более *трех батальонов* пехоты при *одной сотне* конницы и без единой пушки. Вооруженные винтовками «времен Очакова и покорения Крыма», с обывательским обозом, наполненным жалким имуществом — «дети», принеся присягу на верность Францу-Иосифу, двинулись в поход.

«*Кадрам*» Пилсудского необходимо было скорее оказаться на территории русской Польши, чтобы ожить, поднять восстание и пополнить свои ряды так необходимым им контингентом. Кроме того, первоначальное вторжение в наши пределы было наиболее выгодно в том направлении, которое наиболее подготовлено к этому в отношении пропаганды идеи независимости Польши среди населения. Приведенным условиям более всего отвечал левый берег Вислы с населением более культурным, более сознательным, обнаруживавшим сильное тяготение под высокую руку Франца-Иосифа. Сюда и были направлены первые шаги Пилсудского.

Запоздавшая с окончанием своих приготовлений к войне Австрия лишь 24 июля официально выступила на путь вооруженной борьбы с Россией. Развернув малиновые знамена с белым польским орлом, легионы Пилсудского с громкими возгласами в честь Франца-Иосифа и «единой» Польши, совместно с разъездами 7 австрийской кавалерийской дивизии, перешли нашу границу и двинулись по шоссе от Кракова на Мехов, Кельцы.

Беспрепятственно шло продвижение легионов по «русской» территории – оставшаяся одна на левом берегу Вислы 14 кавалерийская дивизия в это время находилась вблизи Вислы в районе Островца, прикрывая наиболее опасное для развертывающейся на правом берегу Вислы 4 русской армии направление вдоль левого берега Вислы от Сандомира на север.

К 28 июля Пилсудский со своими легионами и при поддержке частей 7 австрийской кавалерийской дивизии уже занимал *Мехов* и *Андреев*, организуя в занятой местности «польское» управление и печатая воззвания к польскому народу с призывом к борьбе с «москалями».

29 июля легионы передвинулись из *Андреева* в *Кельцы*, и еще больше сердца юных патриотов «ойчизны»⁴⁰ наполнились радостью, когда древний город оказался в их власти. Тотчас же по занятии *Келец* в городе было введено «польское» управление, выпущены воззвания и началось издание даже «газеты». Сам «ржонд народовый»⁴¹ открыл заседание в губернаторском доме. Безусые легионеры с комфортом разместились у «гостеприимных» горожан, выставив лишь ближнее охранение на окраинах города, к северу, западу и востоку, и заняв вокзал, по-видимому, дежурной частью. Небольшие разъезды от конной [сотни] наблюдали шоссе *Кельцы – Радом*.

На последнее в этот день уже выходила 14 кавалерийская дивизия, расположившись на ночлег в районе юго-западнее *Сухедянева* и выдвинув по шоссе на *Кельцы* разведывательный эскадрон гусар.

До получения данных от гусар, штаб 14 дивизии через местных жителей был уже ориентирован, что город занят противником, но «каким» и в «каких силах» – это было пока тайной. Раскрыть последнюю и было решено 30 июля, направив для разведки и занятия *Кельц*, кроме высланного уже эскадрона гусар, еще эскадрон улан и усилив гусар пулеметами. Наступая на город с севера и запада, эскадроны должны были овладеть городом.

30 июля эскадроны выступили для выполнения задачи, а вместе с ними к городу направился автомобиль штаба дивизии с начальником штаба и офицерами-ординарцами.

Подойдя к д. *Шидловск* около 12 часов дня, гусары спешили и вместе с начальником штаба дивизии двинулись цепью к городу. Узнав от толпившихся на окраине *Кельц* жителей, что противника в городе нет, гусары втянулись в улицу и двинулись далее на площадь. Вслед за гусарами, обгоняя их, в город влетел автомобиль штаба дивизии с 4 офицерами-ординарцами, быстро направляясь к центральной площади. Уланы медленно с запада подходили лавой к вокзалу.

«Предательство» жителей скоро сделало свое дело. Едва гусары вышли на первую площадь, как попали под перекрестный огонь из окон и ворот домов, из которых засевающие «сокола» осыпали пулями «доверчивых» разведчиков. Отстреливаясь на ходу на все стороны, подбирая раненых, гусары в тяжелой обстановке начали отходить из города. В еще больший огонь попал автомобиль штаба дивизии в узкой улице города. Осыпанный пулями автомобиль, благодаря мужеству раненого шофера, все же вскоре шел уже в обратном направлении из центра к северной окраине, увозя убитого и двух раненых пассажиров. Эскадрон улан, встреченный огнем из вокзала, отошел назад.

Так закончилась «разведка» *Кельи*, ценою жертв выяснившая нахождение в них «соколов» Пилсудского и явное «сочувствие» к ним местного населения. Противник торжествовал «первую» победу!!

Но торжество было преждевременно! В штабе 14 дивизии, когда были получены первые сведения о данных разведки, результаты которой «ярко» свидетельствовали нашу «доверчивость» и «коварство» жителей и противника, тотчас же была решена «экзекуция».

31 июля 14 кавалерийская дивизия к 10 часам утра уже подходила к д. *Шидловск*. Противник, осведомленный о наступлении дивизии и страшась заслуженной кары, уже отступал... Лишь небольшой разъезд драгун был обнаружен в госп[одском] дв[оре] *Чарнов* и до полуроты соколов было рассыпано в цепь к западу от вокзала, прикрывая отход главных сил Пилсудского.

Для преследования последних к западу от города и даже по шоссе на *Хенцины* был немедленно направлен 14 уланский полк с пулеметами и 2 орудиями. Остальные же 4 орудия заняли позицию к северу от д. *Шидловск* и открыли огонь гранатами по городу, произведя огневую экзекуцию в расплату за предательство по отношению к русским войскам.

30 гранат были достаточной мерой наказания! Потребованным представителям города были предъявлены условия немедленной выдачи заложников и уплаты контрибуции в 100 000 рублей. Через полчаса условия были выполнены и как заложники, так и контрибуция были направлены в тыл – в *Ивангород*, а в город введены разъезды для осмотра домов и поимки оставшихся соколов.

Уланы быстро настигли арьергард Пилсудского и на его плечах продолжали преследовать главные силы поспешно отходивших по Хенцинскому шоссе и бросавших снаряжение, оружие и обоз.

Высокие горы, окаймлявшие Хенцинское шоссе, парализовали охват отступающего противника, заставляя медленно вести фрон-

тальную атаку. К вечеру противник отошел к м. *Хенцины*, заняв здесь позицию, а уланы вернулись на присоединение к дивизии, повернувшей, в силу своей боевой задачи, на восток от *Кельц*.

Таковы были «*первые боевые шаги*» соколов бригадира Пилсудского! Презрение и жажда мести за засаду осталась в рядах бойцов 14 кавалерийской дивизии к этим новым солдатам польской «ойчизны»! «Бандиты» Пилсудского не считались за противника, признанного международными законами войны, а почитались элементом, подлежащим уничтожению.

Явная непригодность к боевым действиям «сокольских» батальонов Пилсудского против организованных вооруженных сил заставляла их ограничиваться мелкими поисками и засадами, подобными только что очерченному.

В 20-х числах сентября 1914 года частям 14 кавалерийской дивизии вновь пришлось столкнуться с одним из отрядов «соколов» на р. *Ниде*. Преследуя отступающих после *Люблинского* сражения австрийцев по левому берегу *Вислы*, 14 кавалерийская дивизия в исходе сентябрьского осеннего дня подходила к переправе через *Ниду* у м. *Вислица*, когда навстречу колонне показалось несколько обывательских подвод, нагруженных ранеными и убитыми казаками 5 кавалерийской дивизии, наступавшей южнее. Беглый опрос конвоиров выяснил, что застава казаков этой дивизии была неожиданно ночью окружена «соколами» в д. *Щитинки*, произведшими ночной налет из *госп[одского] двора Чаркова*. Запалив деревню, соколы набросились на сонных казаков, едва опомнившихся от неожиданного нападения и с потерями отразивших таковое. Злой рок легионеров Пилсудского снова 14 кавалерийскую дивизию выдвигал в роли мстителя.

Знакомое дивизии предательство поляков ждало наказания! Тотчас же по переходе через *Ниду* было отдано приказание артиллерии открыть огонь по *госп[одскому] дв[ору] Чаркова*, а два эскадрона драгун авангарда, развернувшись лавой, быстро направились туда же. Однако жаль было тратить снаряды по такому противнику, как «сокола», и приказание об открытии артиллерийского огня было отменено, а драгунам было указано зажечь *госп[одский] двор*. Вскоре последний с его службами и надворными постройками запылал, и «сокола», задыхаясь от дыма, быстро очистили *госп[одский] двор*, отступая к югу, преследуемые драгунами, беспощадно расправлявшимися с ними. Владелец господского двора *Чаркова*, граф Пусловский, как явно оказывавший сочувствие «соколам», вместе со своим управляющим были арестованы и отправлены в крепость *Ивангород!*

Два случая коварства противника – «соколов» – настолько озлобили весь состав 14 кавалерийской дивизии, что солдатам Пилсудского лучше было бы и не встречаться с 14 дивизией. Однако судьба снова свела обоих врагов 7 октября того же 1914 года в районе г. *Сохачева* под станцией *Беднары*, где «соколы», прикрывая отход немцев из-под Варшавы, обороняли переправы через р. Бзуру против нашей конницы, нависшей над флангом противника. Отбросившие от переправы через Бзуру «соколов» к станции *Беднары* драгуны 14 кавалерийской дивизии – 2 эскадрон, лихо в конном строю атаковали взвод «соколов» у ст. *Беднары*, полностью переколов и зарубив их. Лишь один «безусый», дрожащий от испуга, с широко раскрытыми глазами от ужаса пережитой расправы легионер Пилсудского, еле сдерживая слезы, давал показания в штабе дивизии.

Так начинала свою «боевую историю» польская армия, возрожденная Пилсудским! Природное «езуитство» ляхов вкладывалось в основу их боевой тактики и было противно духу «великорусского» племени, честно и открыто шедшему⁴² в бой с противником.

В душной атмосфере лжи, интриги и предательства зародилась польская армия, с их принципами начала свою боевую деятельность и в ней же найдет свою гибель! Современные армии прямолинейны в своих настроениях и искусстве!

Б. Ш.

Май 1920 года.

Б. Ш. Первые боевые шаги маршала Пилсудского // Военное дело. 1920. № 13 (77). 07.06. Стб. 387–392.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Архив Гуверовского института. *David D. Grimm Papers*. Вох 3. Folder 1. По всей вероятности, речь шла о сторонниках интернационализма и экспорта революции.

2 *Брусилев А. А.* Мои воспоминания. М., 2001. С. 297.

3 *Готье Ю. В.* Мои заметки. М., 1997. С. 403.

4 ГАРФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 2. Л. 73.

5 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 61. Л. 1об.; Е.А. Преображенский: Архивные документы и материалы: 1886–1920 гг. М., 2006. С. 348, 353.

6 Из истории Гражданской войны в СССР. М., 1961. Т. 3. С. 186.

7 Правда. 1920. № 116. 30.05. С. 1.

8 Там же. № 118. 03.06. С. 1.

- 9 Б. Ш. Первые боевые шаги маршала Пилсудского // Военное дело (Москва). 1920. № 13 (77). 07.06. Стб. 392.
- 10 Так в документе. Видимо – обращения.
- 11 РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 59. Л. 334; *Троцкий Л. Д.* Как вооружалась революция (на военной работе). М., 1924. Т. 2. Кн. 2. С. 153.
- 12 РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 637. Л. 3.
- 13 Там же. Л. 2.
- 14 Там же.
- 15 Там же. Л. 4–8.
- 16 Там же. Л. 9–9об.
- 17 Там же. Л. 10–10об.
- 18 Там же. Л. 10.
- 19 Так в документе.
- 20 РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 637. Л. 11.
- 21 Видимо, речь о Б. В. Гетлинге.
- 22 Речь идет о передовицах видного большевика К. Б. Радека, печатавшихся в апреле – мае 1920 г. в газете «Известия». И прежде всего о статье: *Радек К.* Иосиф Пилсудский // Известия. 1920. № 97 (944). 07.05. С. 1; № 99 (946). 09.05. С. 1; № 101 (948). 12.05. С. 1; № 103 (950). 14.05. С. 1.
- 23 РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 637. Л. 12–12об. Машинопись. Сверено с рукописью: Там же. Л. 17–18об.
- 24 Там же. Л. 12об., 18об.
- 25 В документе – не способные.
- 26 РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 637. Л. 13–13об. Машинопись. Сверено с рукописью: Там же. Л. 19–20.
- 27 Там же. Л. 14. Машинопись. Сверено с рукописью: Там же. Л. 21–21об.
- 28 Батенин Эразм Семенович (1883–04.11.1937) – военный специалист РККА, советский писатель.
- 29 Речь идет о молодом пленном легионере, описанном Б. М. Шапошниковым в конце статьи.
- 30 РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 637. Л. 15–15об. Машинопись. Сверено с рукописью: Там же. Л. 22–23.
- 31 Там же. Л. 16–16об. Машинопись. Сверено с рукописью: Там же. Л. 24–25.
- 32 Там же. Л. 27–27об.
- 33 Частично опубликовано в: *Дьяков Ю. Л.* Неизвестные документы об отношениях СССР (России) и Польши в XX веке // Советско-польские отношения в политических условиях Европы 30-х годов XX столетия. Сб. статей. М., 2001. С. 61–62. Дело, по которому публиковался

данный документ, до сих пор находится на секретном хранении (РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 25. Л. 168–169об.).

34 РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 7. Л. 68–68об.

35 Там же. Ф. 64. Оп. 3. Д. 131. Л. 6.

36 *Троцкий Л. Д.* Сталин. М., 1990. Т. 2. С. 273.

37 *Ганин А. В.* Выбор Маршала Победы. Почему Борис Шапошников пошел за красными и какую цену за это заплатил // Родина. 2016. № 11. С. 37–41.

38 Значительная часть слов в кавычках, географические названия, некоторые фамилии выделялись в статье курсивом.

39 В гранках статьи и в своих показаниях Б. М. Шапошников указывал фамилию как Пильсудский.

40 Здесь и далее Б. М. Шапошников в ироническом ключе употребляет русскую транскрипцию польского слова ojczyzna – отчизна, государство.

41 Rząd Narodowy (*польск.*) – народное правительство.

42 Так в тексте.

A. V. Ganin

The case on “the natural jesuism of the Poles”. Lev Trockij against the polobophobia of the military specialists

The article analyzes the case of the to-be Marshal of the Soviet Union B. M. Shaposhnikov, who published a polonophobic article during the Soviet-Polish war 1919–1920.

Keywords: *Soviet-Polish war, L. D. Trotsky, B. M. Shaposhnikov, Special council under the commander-in-chief, national question.*